

Джамалудинов Магомедгази Далгатович

**ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ
ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ
АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ
КАВКАЗЕ**

(конец XVIII – первая половина XIX вв.)

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Махачкала-2012

Диссертация выполнена на кафедре теории и истории государства и права
ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет».

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Шигабуудинов Д.М.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор
Халифаева А.К.
кандидат юридических наук,
Алибекова Ч.А.

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Чеченский
государственный
университет» (г. Грозный)

Защита диссертации состоится 21-го февраля 2012 г. в 14.00 часов на
заседании диссертационного совета Д 212.053.07 при ФГБОУ ВПО
«Дагестанский государственный университет» по адресу: 367002, Республика
Дагестан, Махачкала, ул. Коркмасова, 8, ауд. № 85.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВПО
«Дагестанский государственный университет».

Автореферат разослан и размещен на сайте Министерства образования и
науки РФ (www.vak.ed.gov.ru) и на сайте ФГБОУ ВПО «Дагестанский
государственный университет» (www.dgu.ru) 18-го января 2012 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

В.Т. Азизова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Важной проблемой политики России на Северном Кавказе в первой половине XIX в. являлась задача организации в регионе системы органов административного управления территориями, присоединенными к империи. При этом важно было не войти в противоречие со сложившимся общественным сознанием местного населения, укоренившимися веками традициями общинного самоуправления и, в то же время, защитить интересы Российской империи. Исторический поиск оптимального варианта решения этих вопросов оказался не из легких. В связи с чем, ошибки и недооценка уровня общественного сознания горцев в процессе устройства российским правительством в крае системы военно-административного управления служили одной из главных причин острого военного противостояния горских народов России в течение первой половины XIX века.

В разные годы прошлого века (особенно в 60-70 гг. XIX в.) формирование Российской империи некоторые исследователи пытались изобразить как некий закономерный процесс добровольного вхождения в ее состав будущих национальных окраин. В то же время хорошо известно, что процесс расширения границ России в XVIII веке и, особенно, в первой половине XIX века сопровождался политикой открытых захватов и завоеваний сопредельных ей земель и насильственного включения нерусских народов, в частности северокавказских, в состав империи. Очевидно, что только новое и всестороннее исследование рассматриваемых вопросов может способствовать научному изучению исторического опыта этих отношений, который, безусловно, способен оказать определенную помощь в формировании современной национально-государственной политики Российской Федерации. Как известно, вопросы административного устройства современной России, в особенности в Северо-Кавказском регионе, остаются наиболее дискуссионными и сложными, требуют постоянного их рассмотрения с учетом происходящих в российском обществе сложных процессов и требований ч.3 ст. 5 Конституции РФ о том, что «федеративное устройство Российской Федерации основано на её государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов Российской Федерации». Исторический опыт имеет в этом отношении непреходящее значение. С учетом этого считаем, что осмысление позитивного исторического опыта государственно-административного строительства России на современном этапе выступает актуальной научной и практической задачей.

Степень разработанности темы. Специальных работ, посвященных исследованию историко-правовых аспектов присоединения Северо-Восточного Кавказа к Российской империи в конце XVIII – пер. пол. XIX века, нет. Вместе с тем, в исторической и историко-правовой литературе отдельные аспекты

данной проблемы все же рассматривались в контексте изучения других вопросов. Так, в изучении проблем, прямо или косвенно затрагивающих тему диссертации, можно выделить **три периода**: дореволюционный, советский, постсоветский. Достаточно слабый уровень изученности настоящей темы исследования в ней объясняется отчасти трудностью осмысления противоречивых социально-экономических и политических процессов, происходивших в Дагестане и Чечне в первой половине XIX века.

Характерной чертой **дореволюционного периода** кавказоведения была практическая направленность исследований. Изучение истории, традиционных общественных институтов, быта и нравов горцев Северного Кавказа, их взаимоотношений с имперскими властями велось с целью скорейшей интеграции региона в российскую социально-политическую, экономическую и культурную систему, поэтому работы дореволюционных авторов нередко носят рекомендательный характер. В условиях завершавшейся Кавказской войны российские власти должны были определиться, какими путями добиваться «окончательного умиротворения» края и каким способом отдавать предпочтение в достижении этой цели. Эта проблема была столь актуальна, что на страницах журнала «Военный сборник» возникает дискуссия о предстоящей деятельности российской власти на Кавказе в новых условиях. Активней всего по этому вопросу высказывались те публицисты, которые знали Кавказ из личного опыта. Как правило, это были офицеры, воевавшие на Кавказе.

Из литературы этого периода можно видеть, что проблема построения политически верной линии во взаимоотношениях с северокавказскими народами составляла главную заботу российского правительства уже с начала XIX в. Особое место среди авторов занимает Р.А. Фадеев, являвшийся в годы Кавказской войны одним из адъютантов наместника фельдмаршала А.И. Барятинского, близким и доверенным ему человеком. Свою книгу он писал по поручению наместника. Есть основания полагать, что эта книга отражает взгляды самого князя Барятинского. Цель его работы - построение теории колониального управления России на азиатских окраинах и обоснование российских стратегических интересов на Кавказе.

Многочисленные неудачи в установлении в первой половине XIX в. на Северо-Восточном Кавказе российской администрации требовали осмысления накопленного опыта, что нашло отражение в трудах С.С. Эсадзе, Е.И. Козубского, К. Компанского, В.Н. Иваненко, Р.А. Фадеева и др. В них достаточно много внимания уделено анализу причин неоднократных ошибок и откровенных промахов, допущенных кавказским военным командованием и административными деятелями на Кавказе.

С.С. Эсадзе в своём двухтомном труде «Историческая записка по управлению Кавказом» использовал обширный фактический материал, изъятый из архивов кавказских наместников, архива Горского управления и других органов управления на Кавказе. Поэтому этот труд, несмотря на ряд субъективных выводов и оценок автора как в отношении системы управления Кавказом в целом, так и отдельных направлений в деятельности властей, является важнейшим источником систематизированной информации о

деятельности российских властей на Кавказе в XIX веке. Большое место в его трудах уделяется организации судебной системы и причинам сохранения судопроизводства по адату и шариату.

Значительное внимание дореволюционной историографии было обращено на изучение общественного устройства, хозяйства и обычного права народов Северного Кавказа. Крупнейшие исследования, посвященные изучению обычного права народов Северного Кавказа, написаны М.М. Ковалевским, Ф.И. Леонтовичем и др. Их работы объективно внесли крупный вклад в дело изучения юридического быта кавказских народов. В то же время, следует заметить, что главная цель этих исследований заключалась в обосновании известного тезиса о цивилизаторской роли царской России на Кавказе.

Советский период также имеет свои особенности. Очевидно, что приблизительно до конца 70-х гг. XX века советские историки слишком увлекались изучением социально-экономических явлений и уделяли недостаточное внимание исследованию надстроечных категорий, в частности управлению. Ещё одной отличительной чертой исторических исследований данного периода являлось преувеличение в них степени национально-освободительной борьбы горцев после окончания Кавказской войны, а также степени их социальной борьбы и вовлечённости в революционное движение в начале XX века.

Проблема становления системы органов административного управления России на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX в. получила освещение и на страницах литературы XX-XXI вв. В то же время она не стала предметом специального монографического исследования, а рассматривалась лишь в общей связи с другими вопросами на страницах обобщающих работ. К их числу следует отнести работы Н.И. Покровского, С.К. Бушуева, Р.М. Магомедова, В.Г. Гаджиева, Сумбат-заде А.С., И.Р. Нахшунова и др.

Советские ученые-кавказеды справедливо отмечали, что вовлечению горцев Северо-Восточного Кавказа в мюридистское движение, особенно в его начальной стадии, способствовали произвол и злоупотребления местной администрации (В.Г. Гаджиев, И.Р. Нахшунов, А.С. Сумбат-заде и др.).

Изучение опыта административного строительства на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века нашло отражение и на страницах работ Э.Д. Мужухоевой, М.М. Гашимова, А.Х. Рамазанова, Г.Н. Малаховой, А.К. Халифаевой, М.М. Гасанова, А.И. Омарова, Д.Х. Сайдумова. Историко-правовые вопросы становления и развития судебной власти в России и на Северном Кавказе находят свое отражение в трудах А.М. Халилова, Д.П. Геворкяна, И.А. Исаева, М.А. Исмаилова, А.Х. Рамазанова, А.М. Исамагомедова, А. Смыкалина, А.З. Бейтуганова, Л.Б. Гандаровой и др.

В большинстве работ советского периода давались негативные оценки системе «военно-народного» управления с точки зрения учёта политических и экономических интересов горского населения. Упор делался на то, что основным содержанием «военно-народного» управления являлось усиление военно-феодальной эксплуатации горцев. При этом в работах указанного периода разоблачение жестокой колонизаторской политики царского

правительства соседствует с мотивами дружеских отношений России и Кавказа, основанных на классовой солидарности, взаимном хозяйственном, культурном и бытовом общении, прогрессивных последствиях присоединения кавказских народов к России.

Таким образом, исследования советского периода ценны содержащимися в них материалами фактографического характера, а также постановкой ряда новых исследовательских проблем, таких, как роль экономического фактора в социально-политических процессах, формы протеста населения против политики имперских властей, особенности функционирования низших звеньев в системе административного управления общественным управлением сельских (аульных) обществ. Вне поля зрения советских историков, по вполне понятным причинам, находилось взаимодействие двух крайне непохожих цивилизаций - русско-православной и горско-мусульманской - в условиях распространения на Северном Кавказе российского государственного управления. Тенденция к деперсонализации истории в советский период обусловила отсутствие заметных работ, связанных с исследованием роли отдельных деятелей кавказской администрации в организации системы управления в регионе.

Научные изыскания **постсоветского периода** сложно перерабатывать из-за огромного и разнообразного потока информации, которая в них заложена. Разброс мнений и оценок действий российских властей в отношении горского населения Кавказа второй половины XIX - начала XX веков чрезвычайно велик: от тотальной негативации деятельности российской администрации в отношении горского населения Кавказа до ее идеализации.

Несомненным достижением современного этапа исследований российско-горских взаимоотношений после завершения Кавказской войны является стремление к новому концептуальному освещению проблем, уже рассматривавшихся прежними поколениями историков, и расширению тематики исторических исследований.

Историографический обзор позволяет сделать вывод, что в исторической литературе накоплен весомый фактический и аналитический материал, касающийся отдельных аспектов рассматриваемой нами проблемы. Заслугой дореволюционных авторов, многие из которых были непосредственно причастны к организации управления на Северо-Восточном Кавказе, является попытка теоретического обоснования принципов имперского управления в регионе, описание механизма взаимодействия традиционных и имперских правовых систем в крае. В целом же проблема, поднятая в данном научном исследовании, не была объектом специальных историко-правовых исследований. В существующих работах не предпринималось попыток комплексного исследования различных аспектов административно-правовой деятельности российской администрации, исходя из поставленной цели и территориально-хронологических рамок.

Подводя итог степени изученности данной проблемы можно отметить, что исследованными являются только отдельные аспекты поднимаемой в диссертации проблемы. Как мы уже отметили, нет целостной работы, посвященной комплексному изучению вопросов организации системы органов

власти и управления на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII - первой половине XIX веков, хотя в последние годы в ряде диссертационных работ эта проблема косвенно и затрагивается.

Объектом данного исследования выступает комплекс организационных, политико-правовых и административных мер по государственному управлению Северным Кавказом в конце XVIII - первой половине XIX веков, направленный на вхождение Дагестана и Чечни в общероссийскую экономическую, правовую и государственную систему управления.

Предмет исследования составляют проблемы правового регулирования общественных отношений, складывавшихся в ходе преобразований, проведенных на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII века - первой половине XIX века; государственно-правовая политика российского правительства и местной администрации, ускорившая адаптацию жизнедеятельности горцев Дагестана и Чечни в составе Российской империи; особенности политики России по формированию административной системы управления в рассматриваемый период.

Цели и задачи исследования. Основная цель диссертационного исследования определяется его актуальностью и научной значимостью, обусловленной общественно-политической и практической потребностью освещения исторических событий рассматриваемых лет для формирования обоснованной федеральной политики по управлению регионами России. При этом диссертант стремился избежать одностороннего подхода и идеологизации исторического процесса, всесторонне проанализировать основные проблемы становления системы органов административно-правовой системы управления Российской Империи на Северо-Восточном Кавказе, русско-дагестанских и русско-чеченских отношений, складывавшихся в 20-50 гг. XIX в.

С учетом актуальности темы и наличия существенных пробелов в ее исследовании, диссертантом ставились следующие **цели**: теоретически осмыслить основные направления, средства и методы государственно-правовой политики Российской империи на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века в контексте общих преобразований, проведенных в кавказском регионе и горских районах Дагестана и Чечни; проанализировать объективные и субъективные факторы, повлиявшие на процесс создания и реформирования органов государственного управления и суда.

Для достижения поставленных целей решались следующие **задачи**:

- определить правовую основу и порядок вхождения отдельных частей Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи; изучить изменение правового положения Северо-Восточного Кавказа в контексте заключенных международных договоров исследуемого периода;
- рассмотреть поэтапно процессы становления и развития системы государственно-административных органов власти на Северо-Восточном Кавказе; выявить основные характеристики каждого этапа;
- изучить исторические, социальные, экономические, этнические и правовые факторы, лежащие в основе формирования и развития административно-правовой политики России в регионе;

- проанализировать механизмы деятельности и конкретные результаты органов российской государственной власти на Северо-Восточном Кавказе, исследовать основные этапы становления российских учреждений управления и суда на Северо-Восточном Кавказе в первые десятилетия XIX в.;

- рассмотреть ситуацию в контексте общих преобразований на Кавказе и его горских районах; проанализировать соглашения 1807г. и 1810г. и их государственно-правовые последствия;

- на основании имеющихся историко-правовых документов исследовать административно-правовой статус органов исполнительной власти царской России на Северо-Восточном Кавказе;

- осветить необходимость упрочения социально-экономических, правовых и духовных связей Дагестана и Чечни с Россией и народами Северного Кавказа;

- проанализировать основные принципы особой формы организации административного управления («военно-народной» системы) в Дагестанской, Терской областях, Закатальском округе и выявить её значение в обеспечении политической стабильности в Дагестанской и Терской областях, Закатальском округе на различных исторических этапах.

Как известно, неразработанность проблемы неизбежно ведёт к ограничению задач, которые могут быть поставлены, и к меньшей, чем хотелось бы, глубине исследования. Так, например, мы сознательно не касаемся правительственной политики в крае, направленной на разрешение земельного вопроса, хотя этот аспект политики российских властей играл важную роль в проблеме политического регулирования ситуации в Дагестанской, Терской областях и Закатальском округе. На наш взгляд, эта тема является самостоятельной историко-правовой проблемой и требует специального исследования. Тем не менее, в ряде случаев мы касаемся данного сюжета для получения более полного представления о ситуации в регионе в тот или иной период и тех проблем, с которыми приходилось сталкиваться российским властям на указанной территории.

Научная новизна диссертации заключается в том, что предпринята попытка преодолеть имеющиеся в юридической литературе пробелы и воссоздать цельную картину государственно-правовой политики России в период до и во время Кавказской войны по формированию системы административного управления на территории Северо-Восточного Кавказа. Новым представляется рассмотрение государственно-правовой политики царизма именно с начала XIX века, т.е. с момента начала процесса активного включения северокавказских территорий в состав империи, создания первых административных систем управления, которые, в конечном счете, вылились в «военно-народную» систему управления в 60-70-х гг. XIX века.

Новизна содержится в комплексном освещении основных направлений, средств и методов государственно-правовой политики Российской империи на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века, слабо изученных в науке отечественной истории государства и права. Вводятся в научный оборот архивные документы, материалы, публикации первой половины XIX века, не получившие историко-правового анализа в современной науке. Новым

моментом явилось также рассмотрение в диссертации вопросов, характеризующих отношение имперских властей к исламу и мусульманскому духовенству в регионе, с учётом общероссийского контекста их решения. Такой подход позволил установить влияние имевшегося у российских правительственных кругов опыта решения «мусульманского вопроса» в других регионах империи на содержание «мусульманской политики» властей на Северо-Восточном Кавказе. Выводы по данной теме позволяют увидеть и оценить позитивный и негативный опыт управления на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века с учётом задач, которые стояли перед российской администрацией на указанном историческом отрезке времени, и специфических условий данного региона.

Положения, выносимые на защиту:

1. В конце XVIII - первой половине XIX века российским правительством осуществлялась разработка государственной стратегии в отношениях с горцами Северо-Восточного Кавказа, средств и методов государственного управления, выбор которых зависел от комплекса объективных и субъективных факторов. А уже в начале XIX века отмечается сочетание разных методов, что отражают созданные на рубеже XVIII-XIX вв. учреждения управления и суда на Северо-Восточном Кавказе, которые носили компромиссный и пробный характер и создавались с учетом общественно-политической организации, вероисповедания, традиций и обычаев местного населения.

2. Фактическое, но не юридическое вхождение территорий Северо-Восточного Кавказа в состав России происходило в течение XVI-XIX вв. Однако вхождение в состав России северокавказских этносов в указанный период не означало тогда распространения на них военно-административной власти и законов России. Точкой отсчета юридического вхождения Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи стало подписание Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года между Россией и Османской империей, а закреплением - Гюлистанский мирный договор 1813 года. Значительную роль на политико-правовую ситуацию на Кавказе сыграло подписание Павлом I 18 (30) января 1801 г. Манифеста о присоединении Грузии к России, согласно которому Россия теперь должна была уже не косвенно, а напрямую решать задачи военно-стратегического и политического характера, касающиеся ее территории, итогом чего и стало возникновение в 1802 г. Кавказской губернии.

3. В первые десятилетия XIX в. берется курс на окончательное присоединение Северо-Восточного Кавказа к Российской империи. Для обеспечения административного управления здесь вводятся: а) должности назначаемых приставов; б) судебные органы с постепенным ограничением адата и особенно шариата; в) юрисдикция российских военных судов по тяжким уголовным преступлениям горцев; г) система российских налогов и повинностей.

4. С конца XVIII в. в регионе Северо-Восточного Кавказа наблюдается кризис традиционных институтов административного управления и суда, особую роль в котором сыграла не только политика кавказской и местной военной администрации, но и имама Шамиля. Правовые обычаи отличались

общностью принципов, особенностями не только на равнине и в горах, но и по отдельным селениям, множественностью субъектов, неразработанностью общих понятий и отдельных институтов. С началом российского завоевания Северо-Восточного Кавказа на правовую культуру населения стало оказывать активное влияние российское право. Государственно-правовая политика российского правительства, кавказской и местной администрации внесла коренные изменения в жизнь и быт горцев, часть которых успешно приобщалась к новым «мирным» занятиям, стремилась получить светское образование и занять должности в местных органах административного управления.

5. После вхождения в состав Российской Империи территория Северо-Восточного Кавказа стал органической частью империи, а его административно-территориальные образования получили практически равный статус к статусу иных губерний России, что доказывает несостоятельность некоторых концепций о колониальном положении региона в составе Российской империи. Анализ проведенных в регионе реформ второй половины XIX века свидетельствует о практически полной интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи. Освобождение зависимых сословий на Кавказе было сходно с крестьянской реформой 1861 года, проводившейся в центральных российских губерниях. Однако эти близкие по сути реформы имели разные причины и осуществлялись в разных условиях, так как на Кавказе не было внутренних причин для реформы.

6. Надо отметить, что российское правительство, понимая специфику Северо-Восточного Кавказа, не сразу перенесло основные положения судебной реформы 1864 г. в судебную систему данного региона, где горские суды постепенно заменялись новыми судебными учреждениями, по форме напоминающими образцы российского судопроизводства, но по своему содержанию - старые судебные органы, которые действовали на основе норм адата и некоторых норм шариата, имеющих ограниченный характер. Введение единой системы административного деления и управления, судоустройства и судопроизводства способствовало приобщению народов Северного Кавказа к общеимперскому законодательству, дальнейшему процессу инкорпорации в состав Российской империи.

Хронологические рамки исследования охватывают конец XVIII - первую половину XIX веков- период процесса формирования и закрепления правового положения Северо-Восточного Кавказа в составе Российской империи; период включения народов региона в административную систему Российского государства. В то же время необходимо заметить, что по ходу работы нам приходилось выходить за хронологические рамки исследования. В целом же основное внимание работы было сконцентрировано на рассмотрении различных вопросов административно-правовой политики России на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII - первой половине XIX вв.

Определенные хронологические отступления, охватывающие в работе период со второй половины XVIII века, объясняются необходимостью анализа предпосылок основных управленческих стратегий и принципов, применяемых

государственными структурами Российской империи на начальных этапах политико-правового освоения региона.

Территориальные рамки исследования ограничены современной территорией Дагестана, Чечни, Ингушетии и приграничными районами Азербайджана, известные в прошлом под названием Закатальский округ.

Организация стабильного и эффективного управления на этой территории представляла для российских властей особую сложность, обусловленную чрезвычайно пёстрым этническим и конфессиональным составом местного населения. Установление прочной системы управления на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века для российских властей затрудняла одновременность и разный характер (от добровольного присоединения до военного покорения) включения отдельных её территорий в состав империи.

Основным методом исследования служит диалектический метод познания и вытекающие из него частнонаучные методы: формально-юридический, конкретно-исторический, сравнительный, структурный, системный. В ходе исследования применялись методы историзма, исторического детерминизма и юридической антропологии. При этом мы исходили из сочетания формационного и цивилизованного подходов к истории. Важную роль в подготовке данного исследования сыграло применение методов историко-сравнительного исследования. Историко-сравнительный метод применялся при сравнении содержания административно-политической деятельности российских властей в разных районах Терской области, Кавказа в целом. Историко-типологический метод служил основой для выявления общих черт административной политики российских властей на Северо-Восточном Кавказе и в других регионах Российской империи.

Важное значение имело также проведение методологически объективного анализа исторических источников и литературы, Интернет-ресурсов, с учетом обстоятельств их создания, личности авторов, поставленных ими целей.

Главным исследовательским замыслом диссертационной работы являлась историко-правовая разработка и освещение на основе тщательного анализа всех доступных нам источников и литературы всего комплекса проблем становления и развития административно-правовой системы управления России на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Теоретическую основу исследования составили труды дореволюционного, советского и современного периодов, включая работы исследователей теории и истории права и государства Н.Ф. Дубровина, В.А. Потто, С.С. Эсадзе, А.Л. Зиссермана, Н.Я. Данилевского, М.М. Ковалевского, Ф.И. Леонтовича, А.П. Берже, У. Лаудаева, Б. Далгата, Н.Ф. Грабовского, К. Самойлова, Н.Н. Харузина, Н. Семенова, В.С. Нерсисянца, Т.В. Кашаниной, А.Б. Венгерова, И.Е. Синицина, М.А. Супатаева, А.И. Ковлера, Д.Ю. Шапсугова, З.М. Черниловского, Ю.П. Титова, И.А. Исаева, В.Г. Графского, О.А. Жидкова, Н.А. Крашенинниковой, Е.А. Скрипилева, Г.В. Мальцева, Л.Г. Свечниковой, З.Х. Мисрокова, М.А. Исмаилова, Д.М. Шигабудинова, В.Н. Ратушняка, Х.Х. Рамазанова, Ю.В. Хоруева, В.П. Невской, Б.Х. Ортабаева, Ф.П. Тройно, Ж.А. Кумыкова, В.С. Гальцева, Ф.А. Фадеева, Б.В. Скитского,

А.И. Робакидзе, З.В. Анчабадзе, Э.А. Борчашвили, Ф.В. Тотоева, Н.П. Гриценко, Л.Н. Колосова, Н.П. Крикунова, А.И. Хасбулатова, Я.З. Ахмадова, Ш.А. Ахмадова, С.-А.А. Исаева, Э.Д. Мужухоевой, Ш.А. Гапурова, Д.Х. Сайдумова и других.

Практическая значимость. Основные выводы исследования помогут государственным органам федерального, регионального и местного уровней в совершенствовании законодательства, системы административного управления и судопроизводства в регионе, формированию нового подхода в организации местного самоуправления в работе с населением региона. Свежий взгляд на российскую политику на Кавказе, систему и методы управления царизма с учетом и на основе имеющихся достижений отечественной историографии позволяет во многом по-новому проанализировать сложнейшие общественно-политические процессы, происходившие на Кавказе в XIX веке. Исторический опыт административного управления Дагестана, Чечни, Ингушетии может оказаться весьма ценным в свете современных изменений при решении государственных задач политического устройства, может помочь избеганию ошибок в государственно-национальной политике России и укреплению ее геополитических интересов на Кавказе.

Концепция диссертационного исследования будет способствовать укреплению и совершенствованию российского федерализма, взаимоотношений центра с регионами.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы обсуждались на заседаниях кафедры теории и истории государства и права Дагестанского государственного педагогического университета. Идеи и выводы исследователя отражены в научных публикациях, в выступлениях на международных, общероссийских и региональных конференциях. Некоторые темы получили освещение в выступлениях в СМИ. Материалы диссертационного исследования используются в процессе преподавания курса по истории государства и права Дагестана на факультете права филиале ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет» в г. Дербенте.

Структура диссертации определена в соответствии с целями и задачами исследования: она состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава 1 «Социально-экономическое и политико-правовое положение Северо-Восточного Кавказа в конце XVIII - первой половине XIX веков» состоит из четырех параграфов.

Первый параграф «Источники и историография. Проблемы методологии» посвящен характеристике источниковедческой и методологической базы исследования. На основе подробного анализа опубликованных источников по теме автор делает вывод о том, что исследование имеет в своей основе достаточное количество разнообразных по составу источников, изучение которых позволяет всесторонне раскрыть данную

проблематику и решить поставленные задачи.

В историографии данной тематики автор выделяет три основных периода: дореволюционный (1801-1917 гг.), советский (1917-1991 гг.) и постсоветский (1991 - по настоящее время). При этом, если история разработки и реализации государственной политики Российской империи на Кавказе в первой четверти XIX века изучалась лишь фрагментарно и некоторыми учеными, то уже к середине XIX века сформировался устойчивый интерес историков к проблемам непростых взаимоотношений Российской империи с местным населением Северо-Восточного Кавказа. В работе содержится подробный анализ научной литературы по рассматриваемой проблематике с выделением особенностей указанных трех периодов освещения вопросов темы.

Исследованиям методологии научного познания в современной науковедческой литературе придается особое значение. Отмечая отсутствие в нашей стране истории юриспруденции как науки или учебной дисциплины, В.С. Нерсесянц считает, что «не лучше обстоит дело и с теорией и методологией юриспруденции, с их исследованием. Вся эта проблематика, как правило, сводится к дежурным суждениям о предмете и методе теории права и государства», и с сожалением ученый констатирует «наличие в нашей юридической науке существенных пробелов и недостатков в исследовании и освещении вопросов онтологии, гносеологии и аксиологии юриспруденции». Не менее серьезные претензии к методологии отечественных исследователей права и у Д.А. Керимова. Характеризуя методологическую по своей сути проблему создания «работающей» теории права как актуальную «на протяжении, по крайней мере, двух последних столетий» и усматривая минимальное требование к ней в способности «отвечать хотя бы на запросы своего времени», исследователь решительно заявляет: «К сожалению, в современной российской науке на рубеже тысячелетий данная задача далека от выполнения как никогда в прошлом, что позволяет говорить о симптомах кризиса современного российского теоретического правосознания». Соглашаясь в основном с приведенными мнениями, автор считает, что методологические исследования для нашей юриспруденции сегодня, пожалуй, практически более значимы, нежели любые содержательные конкретные исследования, ибо достоверность и обоснованность последних, корректность и применимость их результатов напрямую зависят от степени разработанности методологии юридической науки.

В настоящее время наука пользуется значительным количеством общих и частных методов исторического и историко-правового исследования. Задачей исследователя является тщательный отбор логически сочетающихся, непротиворечивых методов, правильное их применение, для достижения поставленной цели. Исторический метод, достаточно исследованный историографами, специалистами в области логики и методологии, помогает воспроизвести время, место, подробности личной деятельности того или иного лица, деятельности государственного института в целом в качестве составной части государственного механизма. Историко-правовая наука должна давать достоверные, правдивые сведения, соответствующие определенному периоду

прошлого, не интерпретируя их в угоду власти имущим.

Сравнительно-исторический метод позволяет выявить закономерности развития того или иного государственного института или отрасли права, государства и права в целом. Объектом исследования являются источники права, для работы и изучения которых применяют метод сравнительного правоведения, или сравнительно-правовой. Являясь частным случаем компаративного метода, сравнительно-правовой имеет и свои особенности. Его применение дает возможность изучить формы и процесс формирования правовых институтов, которые развиваются параллельно и, судя по всему, по своим внутренним законам.

При исследовании такого источника права как нормативный правовой акт или норма права особое значение приобретает применение формально-юридического метода, в рамках которого изучаются правовые нормы как таковые.

Во втором параграфе «Территория и расселение народов Северо-Восточного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX веков» освещаются вопросы, связанные с естественно-географическими условиями Северо-Восточного Кавказа и расселением народов в регионе в конце XVIII - первой половине XIX веков. Рассмотрению этих вопросов посвящено немало работ исследователей - кавказоведов XVIII-XX вв.

Традиционные границы расселения народов Дагестана и Чечни в первые десятилетия XIX в. уже подверглись насильственным изменениям. С одной стороны, часть населения в результате военно-казачьей колонизации края и захвата земель царской властью у коренного населения вынуждена была переселиться в глубь гор. С другой - горский миграционный поток, вызванный военными действиями на Кавказе, был направлен с гор на равнину. Он так же, как и предыдущий, инициировался царскими властями.

Одна из важнейших задач царской России, находившейся в условиях войны с горцами Дагестана и Чечни, состояла в выявлении численности народонаселения вообще и военных ресурсов края в частности.

К началу XIX века на Северо-Восточном Кавказе проживали народы, принадлежавшие к дагестано-вайнахским группам иберийско-кавказских языков, а также к тюркской и иранской группам. В Дагестане насчитывалось около полусотни народностей, проживавших в составе многочисленных феодальных владений и союзов сельских обществ. Имеющиеся сведения о степени социально-экономического развития сельских обществ Дагестана и Чечни позволяют раскрыть степень их взаимозависимости друг от друга. В рассматриваемый период экономические связи народов Дагестана и Чечни значительно активизировались. Немалую роль в этом процессе сыграли усилия царизма, направленные на политическую и экономическую изоляцию районов Северо-Восточного Кавказа.

Можно выделить два основных направления хозяйственно-экономического сотрудничества чеченцев и дагестанцев в первой половине XIX века: от долин рек. Сунжи и Терека, через посредничество горных чеченцев, в Анди и далее в общества центрального и западного Дагестана. Либо по ущелью реки Хул-

Хулау в Ведено, откуда через Керкетский перевал и мимо озера Эйзен-ам (Ретло) в Анди и далее в Аварию. По этой линии жители горных районов Дагестана в обмен на собственную продукцию (мед, воск, шерсть, грубое сукно, ковры, звериные шкуры, бурки, сафьян и др.) получали необходимые товары: хлеб, соль, кукурузу, железо, медь, свинец и др.

Другая торгово-экономическая ветвь связывала жителей равнинной Чечни с населением приморского Дагестана (Калмыкия, Шамхальство и др.), далее через них и при посредничестве жителей предгорного Дагестана (Акуша-Дарго, Казикумухское и Мехтулинское ханства) с районами Нагорного Дагестана.

Экономические отношения народов Дагестана и Чечни в первой половине XIX века, особенно в период народно-освободительного движения 20-50 гг. XIX века, стали жизненно необходимыми. Потребности жителей горного Дагестана в продуктах первой необходимости в связи с нуждами войны резко возрастают. Интеграционные процессы, имевшие место в экономике Дагестана и Чечни в изучаемый период, позволяют рассматривать их в качестве вполне сложившегося единого хозяйственного механизма, что служило также формированию единого правового пространства.

В третьем параграфе «Правовое положение Северо-Восточного Кавказа в контексте международных договоров конца XVIII – первой трети XIX вв.» рассматривается правовое положение Северо-Восточного Кавказа в контексте международных договоров конца XVIII - пер. трети XIX вв. Для укрепления своих позиций на Северо-Восточном Кавказе и защиты местных народов от внешних врагов русское правительство в середине XVI века посылало туда хорошо вооружённые отряды стрельцов и казаков. Скоро по берегам реки Терек появились русские городки-укрепления, составившие цепь оборонительных рубежей. Одновременно они служили и местом торговли поселенцев с горцами. В 1735 году возник город Кизляр, ставший военно-административным центром на Северном Кавказе.

Со второй половины XVIII - начала XIX века российская политика на Кавказе вступает в новый этап - этап прямого проникновения на Кавказ, присоединения его территорий. С исторической точки зрения это объяснялось растущим экономическим "аппетитом" империи, ее стремлением захватить новые рынки, источники сырья, приобрести колонии. Во второй половине XVIII в. правительство России предприняло новые шаги для укрепления своих позиций на Кавказе. В 1783г. в Георгиевской крепости был заключен договор о принятии Восточной Грузией, в частности Картли-Кахетинским царством, покровительства России. Узнав об этом, некоторые дагестанские владельцы обращались к русскому государю с просьбой о принятии их под покровительство России. В конце XVIII века русская ориентация в Дагестане стала еще более определенной, причем теперь на арену борьбы за присоединение к России вступили более широкие круги народных масс Дагестана. 12 сентября 1801г. был обнародован манифест царя о присоединении Картли-Кахетинского царства к России, а 3 октября 1802 г. Александр I дал согласие принять Аварское ханство в подданство России.

В декабре 1802г. в крепости Георгиевск был подписан договор, который

содействовал сплочению союзов сельских обществ Восточного Кавказа под покровительством России для защиты от шахских притязаний и ослабления раздоров и юридически оформил их «федерацию» под верховенством России. Итоговым событием для окончательного вхождения Кавказа в состав России была Кавказская война. Присоединение Закавказья к России заставило русское правительство спешить с завоеванием Северного Кавказа. Царизм развивал энергичное наступление в горных районах Кавказа. Ему противодействовали в основном две группы горского населения: во-первых, крестьянство, страдавшее от гнета многочисленных поборов, повинностей и жестоких методов ведения войны, и, во-вторых, духовенство, недовольное тем, что его привилегии ущемлялись русским командованием и чиновничеством. Духовенство старалось целиком направить недовольство крестьян в определенное русло «газавата» («священной войны») против русских «гяуров» («неверных») под знаменем религиозно-политического учения – мюридизма.

С этого периода Российское государство постепенно переходит от политики сотрудничества с местными сообществами к политике местного администрирования. Суть ее заключалась в укреплении Кавказской военной линии путем переноса ее к подножию Кавказского хребта и включения горских обществ в общую систему публичной власти. Управление Кавказом строилось по военному принципу. Вся территория была разделена на военные округа, куда входили Дагестанская область, Сухумский край и Терская область. Области были разделены на отделы, которые подчинялись военному министерству. Все начальники областей, отделов и округов имели военные чины и совмещали военные и гражданские функции. В систему военно-административного управления вовлекались представители коренных народов, которые занимали должности в административном аппарате и могли быть старшинами в своих общинах. Постепенно наместничество стало полномочным и независимым органом царской администрации, в дела которого не могли вмешиваться чиновники более низкого ранга. Основной чиновничий аппарат наместничества и суда, а также губернатор назначался лично царем. Наместничество подчинялось только Кавказскому комитету, который входил в состав Государственного совета. Им же решались и особо важные вопросы по административно-территориальному делению и управлению местных сообществ на Кавказе. Большую роль в этом отношении сыграло введение «Положения об аульных обществах в горском населении Кубанской и Терской областей и их общественном управлении». Положение определяло порядок образования аульных обществ: состав, круг деятельности, права, обязанности и ответственность должностных лиц аульных управлений и аульных судов; порядок избрания, утверждения в должности и освобождения должностных лиц, входящих в состав аульных управлений и судов, а также положение об их правах и ответственности. Аульные общества составлялись из всех лиц свободного состояния, проживающих в одном большом ауле и нескольких малых поселках, соединенных для удобства управления в одно общество, какого бы звания они ни были.

12 октября 1813 г. в местечке Гюлистан в Карабахе в результате русско-

иранской войны был подписан мирный договор, по которому Иран признавал победу России и присоединение к ней ряда ханств, а также Восточной Грузии и Дагестана. После подписания Гюлистанского мирного договора Дагестан становится составной частью Российской империи. Заключению Гюлистанского мирного договора предшествовали исторические связи русского и дагестанских народов, которые своими корнями уходят в глубь веков.

В четвертом параграфе «Политико-правовая деятельность Российской империи на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII - начале XIX вв.» рассматриваются вопросы, связанные с политико-правовой деятельностью Российской империи на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII – нач. XIX вв.

После заключения между Россией и Персией в 1813 году Гюлистанского мирного договора Российская империя резко активизировала захватническую политику. По этому договору, заключенному за спиной дагестанских народов и не отражавшему их волеизъявления, Персия уступила России Дагестан, который ей никогда не принадлежал, и юридически закрепила включение Дагестана в состав России. В 1806 году русские войска заняли город Дербент, низложили хана и ликвидировали Дербентское ханство, которое исчезло с политической карты Дагестана. В том же году ликвидировали и Кубинское ханство. Высшая власть в обоих ханствах перешла к военному командованию. В Дербенте была введена должность командира крепости, в руках которого сосредоточилась вся полнота административной власти. Он назначал должностных лиц, контролировал деятельность магальных наибов, председательствовал в городском суде, раскладывал подати в царскую казну. В 1820 г. ликвидировали Кайтагское уцмийство, в ликвидированном Мехтулинском ханстве впервые в Дагестане ввели приставство как новую форму административного управления.

В 1812 году царское правительство на части завоеванной дагестанской территории создает новое Кюринское ханство. Аслан-хан получил от царя Александра I императорский герб, знамя и был утвержден ханом. В 1812 г. царское правительство заключило с Аслан-ханом договор об условиях вступления хана в управление ханством, его правах и обязанностях. Институт ханов приобрел новые черты. Ход завоевания привел в конце первой четверти XIX века к потере национальной независимости Дагестана. К ханам приставили по одному русскому офицеру. Пристав стал ключевой фигурой в ханствах. Присоединение Дагестана к России, несмотря на колониальную политику и реакционные цели самодержавия, имело объективно-прогрессивные последствия в общественно-экономической и культурной жизни дагестанских народов, связавших свою историческую перспективу с великим русским народом.

Вовлечение народов Дагестана в сферу социально-экономической жизни единого централизованного государства, с одной стороны, подрывало патриархально-родовые устои, разрушало феодальные формы хозяйства, ускоряло классовую дифференциацию, с другой стороны, способствовало оживлению торговли, развитию земледелия и скотоводства, строительству и

улучшению дорог, мостов и т. д.

Царская администрация на Кавказе имела право отстранять от власти феодальных владетелей, действовавших вразрез интересам России. Разрушение существовавшего политического поля выразилось и в ограничении заключения договорных актов между союзами сельских обществ. По традиционной политической культуре дагестанских народов, имевшей многовековую историю, был нанесен сильный удар.

В первой половине XIX века не было однотипной и установившейся системы административного деления и управления, что объяснялось, прежде всего, продолжающейся войной в крае. Часть Дагестана входила в имамат. Другая часть вошла в Каспийскую область, созданную в апреле 1840 года. В ее составе были 7 уездов, в том числе Дербентский, Кубинский, Самурский округа, Кюринское ханство, территории Кайтага и Табасарана.

На этой территории были три приставства. Во главе всех приставств были военные, пользовавшиеся неограниченными правами. По “Положению о Кавказской армии”, утвержденному царем 1 апреля 1858 г., в составе Главного штаба Кавказской армии было создано специальное отделение по управлению горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления. Этот законодательный акт окончательно закрепил военную систему административного управления Дагестана.

Полнейшая несостоятельность реформы 1840 года вынудила царское правительство вновь вернуться к разработке основ управления в Дагестане. В начале XIX века после заключения между Россией и Персией в 1813 году Гюлистанского мирного договора активизируется политика России в Дагестане. Присоединение Дагестана к России, несмотря на колониальную политику и реакционные цели самодержавия, имело объективно-прогрессивные последствия в общественно-экономической и культурной жизни дагестанских народов. Переходя к характеристике в самой общей форме правовых отношений в Дагестане в первой половине XIX века, следует отметить, что в трудах ряда авторов бездоказательно нормы адата и шариата объявлены «дикими». Сосуществование адата и шариата – это важнейшая особенность правовой дагестанской практики. Обычное право касалось многих уголовных, гражданских дел, порядка владения и пользования землей. По шариату регулировались дела, связанные с религией, наследованием, семейными отношениями и т. д. С течением времени все эти многочисленные обвинения и контробвинения, большей частью отразившиеся именно в исторических источниках, настолько запутали суть вопроса, что его разрешение превратилось в реальную исследовательскую проблему.

Для регулирования широкого круга вопросов, связанных с жизнью и бытом населения, существовали довольно устойчивые нормы адата. Важнейшим из них являлось право собственности на землю и регулирование земельно-правовых вопросов. Адат и шариат признавали наличие множества форм земельной собственности: лично-крестьянской (мюльки), общинной (джамаатская), мечетской и феодальной. В ряде мест была межаульная собственность на пастбищные горы. В Дагестане сложился устойчивый

политико-правовой, историко-юридический механизм регулирования земельно-правовых отношений в союзах сельских обществ.

Обычно-правовые нормы регулировали имущественные отношения в аулах. Была определенная система договоров, связанных с недвижимым и движимым имуществом. Гражданские дела решала сельская администрация на основе адатов. Но спорные вопросы внутри аулов и нередко между разными аулами решал третейский суд без участия сельской администрации. Обсуждение вопросов часто завершалось перемирием сторон (маслаатом), рукобитием спорящих сторон или достигнутое согласие записывалось в книгу, где подписывались лица, принявшие участие при разрешении спора.

Глава II «Историко-правовые особенности становления российской административно-правовой системы на Северо-Восточном Кавказе XVIII - нач. 30-х гг. XIX вв.» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Формирование системы органов власти управления на Северо-Восточном Кавказе XVIII начала 30-х гг. XIX вв.» рассматриваются вопросы формирования системы органов власти и управления на Северо-Восточном Кавказе XVIII - нач. 30-х гг. XIX вв.

Важнейшую часть политики царского правительства на Северо-Восточном Кавказе составляли вопросы, связанные с устройством системы административного управления краем. Началом этой деятельности можно считать появление Указа Екатерины II от 5 мая 1785 г. «О составлении Кавказского наместничества...», согласно которому оно образовывалось из двух крупных административных единиц: Кавказской губернии и Астраханской области. Главным городом губернии был объявлен Екатериноград.

Первые проекты административного устройства Северо-Восточного Кавказа начали реализовываться в начале XIX в., где управление покорным населением осуществлялось военно-полицейскими методами. В состав Дагестанского округа вошли три провинции: Бакинская, Кубинская и Дербентская. Каждая провинция состояла из магалов или округов. С самого начала управление горцами осуществлялось царским правительством военно-полицейскими методами, хотя оно и старалось действовать в этом случае достаточно осторожно. Практика административных нововведений рассматривалась царизмом как одно из мощных средств осуществления политического давления на коренное население края. Оно демонстративно различало общества, добровольно покорившиеся ему либо завоеванные им силою оружия. В первом случае традиционный образ управления горцев сохранялся, в другом - управление ими вручалось во власть временных русских чиновников.

Другой важной задачей царского правительства на первоначальном этапе административных преобразований в Дагестане и Чечне являлось формирование достаточного количества русских чиновников, обладавших необходимой компетенцией, знавших местные языки и обычаи горцев. Без этого, по мнению российского правительства, невозможно было решить проблему постепенной политической интеграции горских народов в состав России. В политической перспективе контингент из русских чиновников на

Кавказе должен быть заменен чиновниками из числа прорусски настроенной части коренного населения.

Во втором параграфе «Особенности процесса формирования системы управления краем» рассматриваются особенности процесса формирования системы управления краем.

Из официальной переписки между военным ведомством России и Кавказским командованием конца 20-х - начала 30-х гг. XIX в. заметно достаточно оживленное обсуждение вопроса о необходимости выработки мер для «правильного» административного устройства присоединяемого к империи края. В начале 30-х гг. XIX в. в царском правительстве прочно укоренилась мысль, что несправедливое и несообразное с понятиями коренного населения Дагестана и Чечни управление не только не способствует скорому усмирению горских народов, но, наоборот, ведет к усилению их вооруженного противостояния России. Главными недостатками системы административного устройства в крае, в понимании российского правительства, являлись следующие: отсутствие единой системы управления горцами; неопределенность прав и обязанностей должностных лиц; смешение законов российских, мусульманских и грузинских; неуравнительность в распределении податей и беспорядки в системе финансового управления. Наконец, было осознано, что горцы будут судить о политических целях правительства «по действиям ближайшего начальства».

С начала 30-х г. XIX в. в феодальных владениях Дагестана уже учреждались должности русских офицеров с полномочиями официальных представителей царской администрации и помощников местных владельцев по делам внутреннего управления ханствами. В целом власть царской администрации распространялась на все феодальные владения Дагестана. С помощью русских войск дагестанские владельцы, с одной стороны, стали сильнее и еще более утвердили свое влияние на подвластные территории, с другой стороны, их владельческие права были в различной степени урезаны. Последнее обстоятельство явилось одной из главных причин «ханского» восстания 1818-1820 гг.

После его подавления и расправы над наиболее активными участниками царизм полностью подчинил себе политическую волю феодальных владельцев Дагестана и получил возможность для принятия радикальных мер в дальнейших административных преобразованиях края.

В отношениях со многими обществами горных районов царское правительство в течение многих лет довольствовалось одними только проявлениями внешних признаков покорности населения и не решалось вмешиваться в сложившуюся у них веками систему местного управления. Кроме того, в районах Дагестана и Чечни, где отсутствовала наследственная феодальная власть, политика царизма встречала гораздо больше препятствий в реализации политических задач, так как ему приходилось иметь дело не с отдельными владельческими лицами, через которых можно было бы влиять на остальное общество, а с массой свободного узденства, управляемой выборными органами общинного управления.

Строить отношения с отдельными сельскими обществами Дагестана и Чечни царское правительство временами пыталось через посредничество некоторых влиятельных в горах лиц. Всех горцев, обличенных в «важных уголовных преступлениях», предписывалось предавать военному суду на основании Свода Уголовных законов России. Данный порядок управления предполагалось сохранить в виде меры временной, до окончательного утверждения образования Кавказского края. Повсюду, где это было возможно, вводилась система приставского управления завоеванными районами Дагестана и Чечни, где власть вручалась представителям прорусски настроенной части горского населения либо офицерам Отдельного Кавказского Корпуса.

В третьем параграфе «Подготовка и проведение административно-судебной реформы в 30-40 гг. XIX века» освещаются вопросы подготовки и проведения административно-судебной реформы в 30-40 гг. XIX века.

Как отмечалось выше, Кавказское командование стремилось смягчить переход горцев к новой для них системе административного управления. Вводившаяся временная система административного управления должна была уравнивать как интересы горцев, так и интересы царских властей, что на практике достигнуть было не так уж просто. Если же учесть, что вводившееся управление являлось по характеру военно-полицейским, то становится ясным, что о действительном балансе интересов сторон говорить не приходилось. Если в Южном Дагестане административные преобразования царизма носили умеренный характер, то этого нельзя сказать о тех же преобразованиях, проводившихся им в Северном Дагестане и равнинной Чечне, где введение системы военно-административного управления было первоочередной задачей. На Левом фланге Кавказской линии, в состав которого входило управление Северным Дагестаном и Чечней, проживали общества ауховцев, ичкеринцев, качкалыковцев, шатоевцев, акинцев и чабырлоевцев.

Главное Чеченское приставство подразделялось на три частных приставства. В ведение главного пристава включались все чеченские общества, располагавшиеся на равнине от р. Ачхой-мартан до р. Мичик и Ичкерийских гор. Центром Главного Чеченского приставства являлась крепость Грозная.

Лезгинское приставство подразделялось на четыре части. В его состав вошли общества салатавцев, гумбетовцев, андийцев. Генерал Граббе включил в состав приставства и ауховское общество, которое по истечении некоторого времени должно было влиться в состав Главного Кумыкского приставства. Местом пребывания Лезгинского пристава было определено селение Мехельта Гумбетовского общества.

По проекту П.Х. Граббе в обязанности главных и частных приставов входило: 1) приводить в исполнение все требования и распоряжения начальства; 2) доносить по команде о всех замыслах неблагонамеренных; 3) охранять общественное спокойствие; 4) производить уравнительную раскладку повинностей по аулам; вести перепись по аулам, саклям жителей; 5) взыскивать за маловажные(незначительные) проступки по народным обычаям, арестовывать и представлять начальству уличенных в важнейших преступлениях «для побуждения горцев к исполнению приказаний». При

каждом главном приставе содержались специальные отряды вооруженных горских милиционеров. Таким образом, мы видим, что в обязанности главных приставов в основном входило исполнение административно-полицейских функций.

Ногайцы, принадлежавшие шамхалу Тарковскому, были переселены на правый берег реки Сулак.

Еще одним крупным административным преобразованием являлось переподчинение гражданского и военного управления в Черномории командующему войсками на Кавказской линии. Сделано это было по предложению генерала Головина в начале мая 1840 г.

Основную тенденцию в решении данного вопроса следует видеть в стремлении царского правительства к постепенному вытеснению из общественного быта горцев адатной системы, шариатских законов и введение в действие норм российского права.

В составе Каспийской области, как отмечено выше, образовывался особый военный округ с центром в Дербенте. Город служил местопребыванием дербентского военно-окружного начальника. Он же являлся одновременно уездным городом, уезд которого образовывался из провинций: Дербентской, Табасаранской и Каракайтагской. К Дербентскому военному округу причислялись : шамхальство Тарковское ханства Аварское, Кюра-Казикумухское и Мехтулинское, а также «земли лезгин», не входившие в управление начальника Левого фланга Кавказской линии. На всей этой территории действовала власть военно-окружного начальника.

Судебная система в Закавказском крае включала уездные суды, составлявшие «первую ступень» по делам тяжёлым на сумму иска свыше 15 руб. серебром. Уездные суды были учреждены во всех уездах Каспийской области. Они состояли из судьи и коронных заседателей от податных сословий.

Вторую «ступень» суда, в качестве ревизионной и апелляционной инстанции, составляли палаты Уголовного и Гражданского суда. В каждом уезде учреждалась должность уездного прокурора, в обязанность которого входило осуществление надзора за производством дел в уездных полицейских и судебных органах. Уездные прокуроры полностью зависели от Главноуправляющего краем, так как все вопросы, связанные с их назначением или снятием с должности, решались им по представлению губернского или областного прокурора.

Проведение административно-судебной реформы способствовало наступлению в крае определенных позитивных перемен, хотя в Дагестане и Чечне продолжала сохраняться система военно-народного управления, а с другой стороны, реформа 1840 г. привнесла все пороки действующей российской административно-судебной системы.

ГЛАВА III. Эволюция Российской административно-правовой системы на Северо-Восточном Кавказе в 40- 60 гг. XIX века.

§1. Государственно-правовая политика России на Северо-Восточном Кавказе в 40-50 гг. XIX. Новое крупное преобразование системы управления Закавказским краем в рассматриваемый период началось с реформирования

высших органов военной и гражданской части на Кавказе. В 1844 г. должность Главнокомандующего войсками на Кавказе была упразднена и учреждено Кавказское Наместничество. Первым наместником Кавказа был назначен новороссийский генерал- губернатор граф М.С. Воронцов. По Указу от 23 июля 1845 г. все вопросы по управлению Закавказским краем и Кавказской областью уже не вносились на рассмотрение Комитета министров, а передавались в компетенцию Кавказского комитета, находившегося под полным контролем наместника. Наместнику Кавказа были присвоены также особые права в отношении определения и увольнения чиновников. Учреждение Кавказского наместничества, по замыслу императора, должно было обеспечить не только проблему военного и гражданского управления краем, но и решить множество других вопросов.

Согласно Положению об управлении Дербентской губернией земли Северного и Нагорного Дагестана оставались, как и прежде, в заведывании командующего там войсками. Положение оговаривало, что военное управление сохранится до тех пор, пока не представится возможность или включить их в состав Дербентской губернии, или учредить из них отдельное гражданское управление.

Если проанализировать административные преобразования, произведенные российским правительством в Закавказском крае в 1847 г., можно заметить, что система управления Дербентской губернией все же отличалась от системы управления в других губерниях, скажем, в Кутаисской или Эриванской. Здесь вместо губернского правления была учреждена канцелярия губернатора: вместо должности уездного начальника для управления г. Дербентом был назначен комендант; вместо участковых начальников для управления полу покорным и мирным населением Южного Дагестана, входившим в состав Дербентского уезда, были назначены особые приставы. Кайтаг, Табасарань, Казикумух, входившие в состав губернии, продолжали управляться своими старшинами, беками, уцмиями и ханами.

25 июля 1849 г. вступил в действие Указ, согласно которому в Закавказском крае образовывалась новая Эриванская губерния. Она образовывалась посредством отделения в ее состав «некоторых частей» от губерний Тифлисской и Шемахинской. В связи с образованием новой губернии были сделаны изменения в штатах и окладах служащих гражданских управлений Тифлисской, Шемахинской, Кутаисской и Дербентской губерний Закавказского края.

§2. Российская администрация на Северо-Восточном Кавказе в 40-50 гг. В связи с новыми административными преобразованиями Закавказского края изменился и существовавший там порядок управления государственными имуществами. Одна из главных причин преобразований в этой части управления Закавказским краем - это необходимость борьбы с участившимися случаями насильственного и самовольного завладения частными лицами казенной земельной собственности, с декабря 1849 г. палаты Государственных имуществ в Тифлисе и Шемахе упразднились. Вместо них для общего управления делами государственных имуществ Закавказья и «для хранения сведений о состоянии сих имуществ» при Главном Управлении Закавказского края учреждалась экспедиция Государственных имуществ.

Все обязанности по управлению государственными имуществами в Дербентской губернии возлагались на военного губернатора и его особого помощника.

В то время, как в одной части Северо-Восточного Кавказа, входившей в состав Закавказского края, происходила достаточно интенсивная работа по преобразованию системы военно-народного управления в другой его части, которая подпадала под военное управление начальника Левого фланга Кавказской линии, сохранялась прежняя административная система.

Утверждение здесь новой системы управления, а речь идет о территории Чечни и Северного Дагестана, напрямую зависело от успехов войны царизма с горскими народами и от степени их покорности новым властям. В декабре 1857 г. все население Левого крыла линии было подчинено управлению начальников четырех новообразованных округов: Кабардинского, Военно-Осетинского, Чеченского и Кумыкского. В каждом округе учреждалась должность особого начальника в чине полковника или генерал-майора, подчиненного командующему войсками на Левом крыле Кавказской линии.

В каждом округе для «разбирательства жалоб и тяжб» учреждались так называемые Народные Суды. Они состояли из постоянных членов по примеру уже существовавшего чеченского суда в кр. Грозной. Так, в состав «Народных судов» входили: начальник того или иного округа, в качестве председателя, главный кадий и несколько депутатов, назначаемые от населения всех сельских обществ, входивших в состав округа. Круг действий начальника округа, его помощников, а также компетенции Народных судов, учреждаемых на Левом крыле линии, не определялись. Все они переходили в непосредственное подчинение командующего войсками на Левом крыле линии и обязаны были выполнять его прямые указания.

Преобразования в системе военного управления, произведенные царским правительством на Левом крыле в период с 1856 по 1857 гг., нашли свое итоговое отражение в «Положении об управлении Кавказской Армией» от 1 апреля 1858 г., вводившемся в виде опыта на три года.

§3. Развитие права на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века. В гражданском праве Дагестана одним из важнейших был вопрос о праве собственности на землю. Сложившимися к XVIII в. видами земельной собственности, как уже отмечалось, являлись: феодальная, крестьянская,

общинная и мечетская (вакф). Полной правоспособностью обладали феодалы, тухумы, сельский сход, крестьянские дворы в союзах сельских общин. Обычное право признавало за ними право продажи, передачи по наследству, дарения, завещания.

Содержание норм обычного права в сфере гражданского права обусловлено совокупностью действия многих внешних и внутренних факторов, которые не могут быть сведены лишь к неопределенному понятию «адат». Юридические формы обладания какими-то объектами возникают именно в видах определения прав претендентов по какому-либо признаку, например, по началу приоритета захвата. При распределении прав на обладание землей между лицами, обрабатывающими участки, при конфликтах из-за малоземелья пришлось бы прибегнуть к тому же принципу или создать особые формы общего обладания, при которых был бы возможен для всех желающих доступ к обработке и пользованию землей.

Несомненно, что представления горцев о формах общего владения были не так уж чисты и определены, как полагают защитники позиции общинного землевладения. Оценивая его идеалистически, некоторые исследователи, как правило, имеют в виду кажущуюся справедливость и отдельные подробности раздела земли, выражающиеся в точном равенстве ее качеств, долей, кусков, клиньев и т.д. Все свойства оценки раздела – результат опасения каждого домохозяина быть обделенным и неспособным возвыситься до действительно общего обладания, при котором больше заботятся о доходности земли и о справедливости распределения продукта, чем о равенстве обладания объектом.

Земельные отношения у народов Дагестана отличались большей сложностью, что было обусловлено рядом исторических, географических и иных факторов. Наиболее крупным собственником среди дагестанских правителей был шамхал. Во владении шамхалов находилась вся Прикаспийская равнина и часть предгорья Дагестана.

Пользование общинными землями регулировалось нормами обычного права. Пахотные земли делились по жребью между всеми хозяйствами или редко – тухумами через 1-3-5-7-10 лет. Общинные сенокосы либо делились между всеми хозяйствами ежегодно, либо на них в установленное джамаатом время члены его заготавливали себе сено. Пастбищами пользовались либо сообща всем джамаатом (или целой группой общин), либо (в крупных селениях) они делились по кварталам селения. Лесом, там, где его было много, можно было пользоваться свободно, где мало – он строго охранялся и им пользовались по решению джамаата в определенное время года. Ряд специалистов (например, М.А. Агларов) оперирует следующей схемой: собственность была изначально коллективной, т.е. принадлежала тухуму. Имелось несколько видов тухумных земель: земли, которые сохранялись за отдельными тухумами и после их переселения из родовых (тухумных) в территориально-тухумные и территориальные села. Это наиболее архаическая форма, когда земли, полученные в результате раздачи общинных земель по тухумам, входившим в состав соседских общин, которые, в свою очередь, делились по семьям (хозяйствам). Иногда участками, приобретенными

отдельным тухумом, его члены пользовались по очереди, не деля по семьям.

При сдаче земли в аренду на сезон или на несколько лет условия такого соглашения зависели от сторон: адат не содержал здесь каких-либо норм. Была установлена ответственность за причинение вреда, вызванного потравками полей. Собственник скота, потравившего угоды, обязан был возместить убытки их владельцу (бекам, аулам, частным лицам). Совершенно ясно, что в обычном праве адат не составляет исключение, в нем не проводится различий между натуральными, гражданскими, уголовными, договорными и внедоговорными обязательствами.

Отсутствие такого деления ответственности объясняется общинным характером жизни населения, а отнюдь не неспособностью провести столь тонкие юридические различия. В общинной модели жизнеустройства, а именно в сельских обществах Дагестана, предпочтение отдавалось единственному типу обязательств - перед джамаатом. Неисполнение их по договорам представляло в той или иной степени причинение ущерба обществу и поэтому требовало определенного наказания, которое носило скорее социальный, нежели экономический характер.

Изучение договорных отношений в сельских обществах на протяжении длительного времени было затруднено в связи с грубыми ошибками, допущенными авторами - эволюционистами конца XIX в. По их мнению, обязанности человека вытекали главным образом из его социального положения, а не были обусловлены его волей. Развитие теории позволило, однако, доказать наличие договорных отношений в традиционных обществах.

Основываясь главным образом на результатах исследования по Дагестану, мы можем утверждать, что договорные отношения, основанные на свободном волеизъявлении субъектов, не только существовали, но были широко распространены при общинном жизнеустройстве. Подтверждением этому является практика многих горских джамаатов, где и сегодня в некоторых случаях заключаются договоры в основном обменного характера

Различая консенсуальный и реальный договоры, адатное право выявляет здесь три фундаментальных отношения: человек-человек, человек-вещь, человек-бог (два первых отношения могут быть подкреплены клятвой, обрядом вступления во владение). При неисполнении одной из сторон договорных обязательств принудительное их осуществление обеспечивалось путем использования гарантий. В адатах различие между общественной взаимопомощью и юридической солидарностью было весьма условным. Договоры по адату заключались в устной и редко в письменной форме и предусматривали обязанность возмещения их нарушителями причиненного ущерба. Так, в устной форме договаривались об условиях найма личного или общественного пастуха. В аулах практиковалась передача во временное пользование одной или нескольких дойных коров тем, кто отправлялся на высокогорные пастбища в весенне-летний период. Должник был обязан вернуть скот с приплодом и определенное словесным договором количеством масла и сыра.

Договоры заключались, как правило, в присутствии уполномоченного лица

(кадия и дибира). Никаких письменных записей не велось, в случае спора сторон относительно выполнения договорных обязательств, если соглашение не было достигнуто путем примирения, то применяли общие принципы правовых санкций адата. Кроме того, потерпевшая сторона получала даже моральное право обращения в шариатский суд. Заключаемые «по собственному условию» договоры изменялись очень редко. Общий характер договорных отношений был обусловлен ясностью предмета договора, известностью договаривающихся субъектов и их статуса. Упоминание об условиях исполнения договоров выводит на проблему юридической ответственности их сторон.

В шариате много сказано о торговле, торговых сделках, о купле-продаже. При этом особое внимание обращается на совершеннолетие вступающих в сделку сторон, на наличие у них законного права собственности на продаваемые предметы и права распоряжения ими. Высказывается также требование, чтобы продающий заранее назвал недостатки, имеющиеся в предлагаемом им товаре. Если же недостаток или повреждение были сокрыты, но затем обнаружены и доказаны человеком, купившим товар, то заключенную ранее торговую сделку дозволялось расторгнуть. Торговые сделки рекомендовалось совершать в присутствии свидетелей. При этом желательно, чтобы каждая из вступающих в сделку сторон имела своих свидетелей.

§4. Эволюция системы органов власти и управления 50-60 гг. XIX века.

Кавказский край, как и прежде, делился в военно-административном отношении на 5 главных отделов. Начальство над всеми родами войск, распоряжение всеми военными средствами, а также гражданское управление в районе каждого отдела (кроме Кутаисской губернии - М.Д.) согласно Положению сосредоточивалось в руках командующих войсками.

Для управления мирными горцами Положение вводило систему местных военных учреждений, согласно чему главные отделы Кавказской линии в порядке военного управления делились на участки или округа.

По значительности покорного населения в пределах Левого крыла линии «разделение этого края есть преимущественно административное», находим мы в одном из пунктов рассматриваемого Положения. Все его пространство в этом смысле разделялось, как и ранее, на четыре округа: Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский и Кумыкский, для управления каждым из которых учреждались должности особых начальников, подчинявшихся непосредственно командующему войском Левого крыла.

В Прикаспийском крае так же, как и на Левом крыле Кавказской линии, разделение на участки проводилось только в административном плане. В военном отношении не устанавливалось никакого особого разграничения края. Положение предоставляло командующему войсками Левого крыла линии право поручать кому-либо из командиров полков и других соединений, расположенных в крае, защиту местного края и командование войсками, действующими против Шамиля.

Согласно Положению о военном управлении Прикаспийского края его

земли разделялись на три отдела: Северный Дагестан, включавший в себя Салатавию, Сулакскую линию и земли всего «лежащего за нею пространства до Каспийского моря»; Средний Дагестан - из передовой линии от Агач-калы до Цудахарских ворот Даргинского округа, Мехтулинского ханства с частью Шамхальства Тарковского и Сюргинского общества; Южный Дагестан, который включал в себя Казикумухское и Кюринское ханства и Самурский округ.

Таким образом, после преобразований, произведенных в Прикаспийском крае, Главнокомандующий Кавказской Армией Барятинский мог смело начинать свое знаменитое трехстороннее, концентрическое наступление в горы Чечни и Дагестана, последний оплот сопротивления Шамиля царской России.

Административные преобразования, проведенные царским правительством на Северо-Восточном Кавказе в течение 1859 г., позволили ему уже в следующем году провести необходимые мероприятия по устройству более стройной системы управления краем. Вследствие изменившегося положения дел в Дагестане, связанного с окончанием войны с Шамилем, необходимо было внести новые изменения в управлении Прикаспийским краем.

Высшей судебной и апелляционной инстанцией в Дагестане объявлялся Дагестанский Народный суд. Так же, как и в случае с образованием Кубанской и Терской областей, все преобразования на Северо-Восточном Кавказе, связанные с образованием Дагестанской области, вводились в виде опыта до 1 января 1863 года.

Административные преобразования на Северо-Восточном Кавказе активно проводились и в течение всей первой половины 60-х гг. XIX в. Однако рассмотрение этого периода выходит за рамки данного исследования.

В заключении подводятся основные итоги и суммируются выводы исследования.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в журнале, рекомендованном ВАК РФ:

1. Джамалудинов М.Д. Сражение в селении Аргвани летом 1839 г. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета.- Махачкала, 2009. №3 (8), -0,5 п.л.

2. Джамалудинов М.Д., Шигабуудинов Д.М. Административно-судебная реформа в Закавказье и Дагестане в начале 40-х гг. XIX в. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета.- Махачкала, 2010. №4, - 0,5 п.л (в соавторстве).

3. Джамалудинов М.Д., Шигабуудинов Д.М. Дербентская губерния в составе Кавказского наместничества (к вопросу об административных преобразованиях России в Дагестане во второй половине 40-х гг. XIX в.). // Известия Дагестанского государственного педагогического университета.- Махачкала, 2011. №2 (15), (в соавторстве).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. Джамалудинов М.Д. Интеграционные процессы в экономике Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в. // В кн.: Исторические связи народов Дагестана и Чечни. /Тезисы докладов научно-практической конференции. Махачкала, 2006.- 0,5 п.л.

5. Джамалудинов М.Д. Политика России по распространению православного христианства на Северном Кавказе в первой половине XIX века. //Ученые записки Российского государственного социального университета.- М., 2009. №6 (54) -0,5 п.л.

6. Джамалудинов М.Д. История государства и права Дагестана. Учебно-методический комплекс к учебному курсу. – Махачкала, 2011- 5,6 п.л.

7. Джамалудинов М.Д. Основные особенности становления Российской системы административного управления на Северо-Восточном Кавказе. // Актуальные проблемы юридической науки глазами молодых ученых-юристов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. - Махачкала, 2011.-0,4